

**Суггестивный дискурс:
к гипотетической реконструкции оптимальной аудитории
(опыт поискового семиосоциопсихологического исследования
на материале историографических текстов)**

Часть II¹

© кандидат филологических наук *Е. В. Лютикова, 2001*

Анализ американских историографических текстов представлен также на материале двух работ, взятых из сборника под названием "Проблемы национальностей в Советском Союзе" [13], изданного в 1971 г. под редакцией известного специалиста по истории СССР Эдварда Олворта.

В первом из рассматриваемых ниже текстов цель сообщения, или авторская мотивация (предикация I порядка), эксплицитно не репрезентирована, но итоги интенционального анализа позволяют заключить, что на эту цель указывает заголовок статьи² – "Советский коммунизм и национализм: Три стадии исторического развития". Можно сказать, что мотивация статьи определялась задачей показать в исторической перспективе три стадии взаимодействия двух идейных течений – "советского коммунизма" и русского национализма. Основной тезис (предикация II порядка, уровень 1) утверждает: "Для понимания роли советского коммунизма в националистическом мире более важным, чем структурные сопоставления, будет анализ его [коммунизма. – *Е.Л.*] исторических и идеологических предпосылок и тех изменений, которые он претерпел"³ [13, 44]. Разъяснения к основному тезису репрезентированы в следующих предикациях (II порядка, уровень 2): (а) "Такой подход чреват опасностью трактовать советский вариант как нечто совершенно особенное, подчеркивая его специфические черты... в ущерб тому, что есть в нем общего с [другими. – *Е.Л.*] историческими явлениями, и не подходя всерьез к вопросу о том, скольким он обязан спе-

¹ Часть I содержит изложение теоретической базы исследования и анализ, произведенный на материале русскоязычных историографических текстов (см. Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 19. М., 2001).

² *Hans Kohn. Soviet Communism and Nationalism: Three stages of a Historical Development. [13, 43-71]*

³ "More important than structural comparisons for the understanding of the role of Soviet communism in a world of nationalism will be an analysis of its historical and ideological background and the changes it underwent."

цифическим обстоятельствам"⁴ [13, 44]; (b) "Как бы там ни было, исторический подход проясняет громадные перемены в советском коммунизме за более чем полстолетия, перемены, которые были вызваны или соответствовали переменам во всем мире в период, характерный необычайным и повсеместным динамизмом"⁵ [13, 44]. Ниже представлен краткий итог анализа, причем, как и ранее, приводятся и рассматриваются только те предикации, которые требуют от оптимальной аудитории данного текста особых свойств восприятия.

1. Противоречия выявляются почти в самом начале текста при сопоставлении референции фоновых предикаций (IV порядка, уровень 2.2): а) "Эти проблемы [проблемы национальностей. — *Е.Л.*], обычные для многонациональных государств, решались в Советском Союзе довольно успешно по той самой причине, что Ленин отказывался рассматривать Советский Союз в качестве национального государства русских"⁶ [13, 43]; б) "Понятно, что напряжение между национальностями в Советском Союзе, Югославии или Индии гораздо больше [чем в Швейцарии, которая "являет собой пример наиболее успешного применения федеративного принципа" (с.43). — *Е.Л.*]"⁷ [13, 43]. Возможно, это результат наложения двух точек зрения, но остается неясным, с чьей позиции представляется, что проблемы решались успешно, и с чьей позиции видится большая напряженность между национальностями. Практически между этими двумя предикациями, на взгляд "стороннего наблюдателя", выстраивается ироническая антитеза. Хотя, скорее всего, здесь имело место непреднамеренное расхождение референций, в восприятии оптимальной аудитории это расхождение так или иначе должно быть неразличимо.
2. Рассматривая первую из упомянутых в заглавии работы трех стадий взаимодействия "советского коммунизма" и русского национализма, автор делает следующий вывод (предикации II порядка, уровень аналитической оценки ситуации — 3.2): "На первой стадии ленинская революция обладала чертами секулярного всемирного мессианства. Корни ее были в марксизме, но она могла также найти отклик в русской славянофильской традиции, хотя между обеими концепциями была глубокая про-

⁴ "Such an approach carries the danger of isolating the Soviet case too thoroughly, of stressing its special features... at the expense of what it has in common with the historical phenomena, and of underplaying the question of how much is due to specific situations."

⁵ "The historical approach, however, clarifies the great changes in Soviet communism over more than half a century, changes which were partly caused by, or corresponded to, worldwide changes in a period of unusual dynamics every where."

⁶ "These ["nationality" (p.43). — *Е.Л.*] problems, common to multinational states, have been solved relatively well in the Soviet Union for the very reason that Lenin refused to regard the Soviet Union as a Russian nation-state."

⁷ "Understandably the tensions between the nationalities in the Soviet Union, Yugoslavia, or India are much greater [than in Switzerland, which "represents the most successful application of the federal principle" (p.43). — *Е.Л.*]."

пасть"⁸ [13, 46]. Тут же отмечается, что как Ленин (российский практик революции), так и Маркс (ее немецкий теоретик) полагались в своих практических и теоретических расчетах революционных процессов на промышленных рабочих [13,46], что вкупе с замечанием о "рациональном интернационализме"⁹ Ленина (предикация II порядка, уровень аналитической оценки ситуации – 3.2) [13,48] дает возможность "стороннему наблюдателю", пусть даже далекому от марксизма, предполагать в промышленных рабочих именно интернациональную силу, а в самих авторах концепции – Марксе и Ленине – подозревать людей, для которых в теории и практике революции национальная аффилированность не является определяющим фактором. Тем не менее, не объясняется, каким образом у славянофилов (как очевидно из самого названия, утверждавших примат национального, своего над интернациональным, всеобщим) могла найти отклик позиция Ленина и его концепция революции с опорой на экономические ("промышленные рабочие") и, по сути, интернациональные, а не национальные силы.

3. На уровне иллюстраций к ситуативно-событийному плану (предикации III порядка, уровень 1.3), где речь идет о влиянии национальной идеи на русскую словесность, обращает на себя внимание аналогия, усматриваемая автором в мессианских мотивах, возникающих в финале "Двенадцати" Блока [13, 46] (причем текст не цитируется) и финале "... Эти бедные селенья..." Тютчева: "Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь небесный / Осененный ношей крестной / Исходил, благословляя"¹⁰ [13, 47]. Представляется, однако, что в упомянутых произведениях актуализируются все же разные каноны, хотя и связанные с одним и тем же основным архетипом – Христом. На мой взгляд, тот образ, что возникает в финале блоковской поэмы, судя по следующим строкам: "И за вьюгой невидим, / И от пули невредим, / Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной, / В белом венчике из

⁸ "In its first stage, Lenin's revolution bore traits of a secular universal messianism. It was rooted in Marxism, but it could also appeal to a Russian Slavophile tradition, though there was a deep gulf between the two conceptions."

⁹ "Rational internationalism."

¹⁰ Оригинал цитируется по изданию: *Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений*. В 2-х тт. Ред. и комм. *Г. Чулкова*. Т.2. М.-Л. Academia.1934. С. 94. Подстрочный перевод Х. Кона (автора статьи): "The King of Heaven under the guise of a serf, / has traversed and blessed Thee, / Thee, my native land, / bowed down by the weight of the Cross" [13, 47]. Следует обратить внимание на то, что все строки в подстрочнике поменялись местами, из-за чего в английской версии в заключительных двух строках возникает двусмысленность: строка, соответствующая тютчевской "Осененный ношей крестной", относится то ли к "Царю небесному", то ли к "земле родной".

роз..."¹¹, ближе канону воскресения; тот же образ, что определяет настроение тютчевских строк, ближе канону крестного пути и отчасти распятия. Тем более, что "ноша крестная" в финале "Двенадцати" не упомянута, хотя "кровавый флаг", видимо, должен ассоциироваться у читателя с мотивами страстей и распятия. Но здесь мотив смирения, в отличие от "Бедных селений", явно не читается. В продолжение ряда иллюстраций цитируется монолог Шатова в "Бесах" [13, 47], причем излагаемые в нем идеи интерпретируются автором как "крайнее русофильство"¹², в сочетании с "нехристианским мессианством"¹³: "Но истина одна, а стало быть, только единый из народов может иметь Бога истинного... Единый народ-"Богоносец" — это русский народ"¹⁴ [13, 47]. Все иллюстрации в этом ряду, по моему мнению, объединяет только мотив избранности ("мессианство"), однако весьма различно трактуемый. Это осознает отчасти и сам автор, выделяя в иллюстративном ряду рассуждения Шатова эпитетом "другие"¹⁵ [13, 47]. Однако вряд ли в строках Блока и Тютчева можно различить "крайнее русофильство", по крайней мере в той степени, в какой оно, по мнению автора, заметно в монологе Шатова (хотя у Тютчева во второй строфе процитированного стихотворения проскальзывает некоторое подобие этого настроения¹⁶). "Мессианство" же у Тютчева в "Бедных селениях", и в немалой степени у Блока в "Двенадцати" носит очевидно христианский характер. Если же говорить об идеях национализма, то, соглашаясь с тем, что национализм Шатова у Достоевского нехристианский, трудно отказать в христианстве национальным мотивам у Тютчева, а обращаясь к финалу "Двенадцати", вряд ли можно уверенно говорить о национализме. В выступающемся рассуждении, на мой взгляд, более лили менее родственны только славянофилы (см. п.2) и Тютчев, но как выясняется из авторской аналитической оценки, Тютчев (и не только он) не имеет ничего общего с ближайшей к нему по времени, ленинской концепцией коммунистической философии и политической практики (предикация II порядка, уровень 3.2): "Рациональный интернационализм Ленина не имел ничего общего с иррацио-

¹¹ Здесь и далее в этом же пункте "Двенадцать" цитируются по изданию: *А. А. Блок. Собр. соч. Т.5. Изд-во писателей в Ленинграде. 1933. С.18.*

¹² "Extreme Russianism."

¹³ "Non-Christian messianism."

¹⁴ Оригинал цитируется по изданию: *Ф. М. Достоевский. Бесы. М., "Худ. лит.". 1990. С.245.* Перевод, данный в статье Х. Кона, не вполне точен, но, видимо, имеется в виду именно это место в тексте (Ч. II, гл. I): "But there is only one truth, and therefore only a single one out of the nations can have the true God. That is the Russian people".

¹⁵ "Different".

¹⁶ "He поймет и не заметит гордый взор иноплеменный..." [Op. cit., ibid.]. В подстрочном переводе у Х. Кона: "The proud glance of foreigner can neither see nor observe..." [13, 47].

нальным национализмом Тютчева и Достоевского"¹⁷ [13, 49]. Однако авторская аналитическая оценка не проясняет задачи всего приведенного иллюстративного ряда в целом, поэтому упоминание финала "Двенадцати" и монолога Шатова в этом ряду, на мой взгляд, требует дополнительных пояснений. В отсутствие же соответствующих комментариев весь ряд иллюстраций превращается в разрозненные цитаты, не имеющие непосредственного отношения к презентации второй составляющей темы (как она заявлена в основном тезисе – заголовке) – эволюции коммунистической идеи в России. Между тем у оптимальной аудитории такой иллюстративный ряд, по определению, не должен вызывать вопросов.

4. Также на уровне иллюстраций к ситуативно-событийному плану там, где речь идет об интернационализме в теории и практике отечественного марксизма, возникает и остается неоткомментированным противоречие между референцией авторского утверждения (предикация III порядка, уровень 1.3): "Национальное самоопределение было действительно значимо в ленинской мысли"¹⁸ [13, 48] – и референцией цитаты из работы Ленина "Социализм и война" (1915): "Отстаивание этого права [права на самоопределение. – *Е.Л.*] не только не поощряет образование мелких государств, а, напротив, ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию <более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию> крупнейших государств и союзов между государствами"¹⁹ [13, 48-49]. Здесь возможны, по крайней мере, две интерпретации: или 1) автор не различает такую точку зрения, с позиции которой между предметами референции этих утверждений заметно противоречие; или 2) (а может быть, и наряду с (1)) он также разделяет ту точку зрения, согласно которой предметы референции рассматриваемых предикаций составляют непротиворечивые части единого целого. Ниже, однако, отмечается, что в теории Ленина "свобода национальностей"²⁰ допускается лишь "в очень узких пределах"²¹ [13, 52], что лишь отчасти снимает описанное выше противоречие. Следует учитывать, что восприятие оптимальной С-группы не фиксирует здесь проти-

¹⁷ "Lenin's rational internationalism had nothing in common with Tjutchev's and Dostoyevsky's irrational nationalism."

¹⁸ "National self-determination... did play a role in Lenin's... thought."

¹⁹ Оригинал цитируется по изданию: *В. И. Ленин. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)*. М.: Политиздат, 1985. С.21. Перевод цитаты из работы Ленина дан Х. Коном (автором статьи): "To defend this right in no way means to encourage the formation of small states, but on the contrary it leads to a freer, more fearless and therefore wider and more universal formation of governments..." [13, 48-49]. Фрагмент, взятый в оригинальном тексте в угловые скобки, выпущен Х. Коном при переводе.

²⁰ "The freedom of various nationalities."

²¹ "Within the very narrow limits."

воречия, и тому может быть, по крайней мере, два объяснения: 1) оптимальная аудитория вкладывает особый смысл в понятие "самоопределение наций", и этот смысл полностью совпадает с подразумеваемым в тексте Ленина; или 2) вопросы самоопределения наций выходят за сферу интересов и информационной компетентности оптимальной аудитории.

5. Упомянутый также в одной из иллюстративных предикаций (III порядка, уровень 1.3) исторический факт – разрыв отношений между СССР и Китаем (в 1940-х гг.²²) охарактеризован как "странный и непредсказуемый результат политики, которая Ленину и Суню²³ казалась основанной на самоочевидных предпосылках"²⁴ [13, 51]. Однако к тому времени, как следует из авторского анализа ситуации, определяющей силой в развитии советского коммунизма стал русский национализм (предикация II порядка, уровень 3.2): "вновь пробудившаяся энергия русского национализма как решающее подспорье для советского коммунизма во времена невиданной опасности"²⁵ [13, 57]. Причем, по наблюдениям автора, идеи национализма набирали силу уже с 1930-х гг. В 1940-е же внешнюю политику советского коммунизма определяла, в том числе, и тенденция к панславизму, исчезнувшая, по мнению автора, только после 1948 г. (предикация II порядка, уровень 3.2): "Призрак панславизма исчез после 1948 г. также внезапно, как до того явился в очередной раз после 1941 г."²⁶ [13, 61]. Это высказывание подкрепляет другой вывод автора, где ранее уже констатировался отход от утверждавшегося Лениным принципа интернационализма (предикация II порядка, уровень 3.2): "Советский коммунизм стал в значительной мере русским, и эта "русификация" набирала силу вместе со стремительным подъемом фашизма в 1930-е гг."²⁷ [13, 55]. Стало быть, даже если последователи Суня (Сунь Ятсена) оставались на его позициях (см. сноску № 24 по этому поводу), разрыв отношений между СССР и Китаем, с учетом приведенных здесь собственных авторских выво-

²² Возможно, речь идет о попытках партии Мао Цзэдуна вовлечь СССР в собственное противостояние Гоминьдану (реакция СССР: подписание 14 августа 1945 г. договора о дружбе с правительством Чан Кайши, телеграмма 22 августа 1945 г. Сталина Мао Цзэду и др.) [см. История Китая. / Под ред. А. В. Меликсетова. М., МГУ. 1998. С. 579-580.]

²³ Сунь Ятсен (1866-1925) – лидер революционного движения противников маньчжурской династии в Китае.

²⁴ "A strange and unpredictable outcome of a policy which seemed to Lenin and to Sun based on self-evident premises."

²⁵ "The reawakened vigor of Russian nationalism as the decisive support of Soviet communism in times of unprecedented danger."

²⁶ "The ghost of Pan-Slavism disappeared after 1948 as suddenly as it had reappeared after 1941."

²⁷ "Soviet communism became, to a great degree, Russian, and this "Russification" gained with the rapid rise of fascism in the 1930s."

дов, уже не представляется столь "странным и непредсказуемым". Однако вряд ли оптимальная аудитория сможет сопоставить в своем восприятии национальную "окраску" коммунистической идеи в СССР 1940-х годов и его разрыв с Китаем, приходящийся на то же время.

6. Еще одно противоречие возникает также при соотнесении предмета референции одного из элементов аналитической оценки с предметом референции элемента иллюстраций к ситуативно-событийному плану. В предикации уровня аналитической оценки (II порядка, уровень 3.2) характер правления Сталина обозначен как "авторитарный режим"²⁸ [13, 57] (по контексту можно установить хронологическую маркировку – 1930-е гг.). Однако выше, в одной из иллюстративных предикаций, упомянуты "странные, непостижимые показательные судебные процессы в Москве"²⁹ [13, 55] – в те же 30-е гг. (привязка к хронологии опять-таки выясняется из контекста), а затем, в рассказе о Покровском³⁰, отмечается, что в 1934 его концепция историографии была отвергнута "внезапно"³¹ [13, 56]. Между тем выше прослеживаются определенные изменения во внутренней политике, начиная с 1925 года [13, с.54 и далее с. 55-56]. Таким образом, можно предположить, что здесь на авторский план логического мышления вторгаются социальные представления авторской С-группы, согласно которым "авторитарный режим" остается для сознания данной С-группы абстрактным понятием, слабо реферируя с планом практики (что, в общем, естественно, если авторская С-группа не имеет опыта проживания в стране с таким способом правления). Практика авторитарного режима также представляется недостаточно учтенной, когда факты активной политической деятельности Сталина и Берия в период русско-японской войны 1904-1905 гг. (в частности, распространение антияпонских и антивоенных листовок) приводятся соответственно по прижизненно изданной биографии Сталина и мемуарам самого Берия без критической оценки источников этих сведений (фон к ситуативно-событийному плану – [13, 60]).
7. Наряду с этим в некоторых предикациях уровня иллюстраций к аналитической оценке авторская интерпретация сообщает отдельным аспектам практики "авторитарного режима" чрезмерную значительность. Так, говорится, что русский националистический курс внутренней политики вдохновил "русское упорство"³², что, в свою очередь,

²⁸ "An authoritarian regime."

²⁹ "Strange, incomprehensible show trials in Moscow."

³⁰ Покровский М. Н.(1868-1932) – идеолог марксистского направления в советской историографии, замнаркома просвещения при А. В. Луначарском.

³¹ "Suddenly".

³² "Russian steadfastness."

"вдохновило Красную Армию на неожиданную победу над немецкими захватчиками"³³ (предикация III порядка, уровень 1.4) [13, 59]. Очевидно, что русские, будучи самым многочисленным этносом в СССР, могли дать наибольшее количество солдат. Представляется, однако, что исход войны столь масштабной и в географическом плане, и в многообразии возникающих в ней одновременно, в любой отдельно взятый момент времени, ситуаций, зависит в значительной мере от качества решений, предложенных во многих подобных ситуациях, а следовательно, и от качества людей, зачастую оказывавшихся каждый один на один со своей ситуацией. Если рассматривать вопрос под таким углом зрения, то недооценивать вклад в победу не только численно меньших, чем русский, этносов, но и множества отдельных людей окажется во многом неправомерным.

Подводя итог анализу этого текста, необходимо отметить некоторые проявившиеся в нем тенденции, характерные, видимо, практически в равной мере как для авторской С-группы, так и для оптимальной аудитории. Нарушение логической стройности ситуативно-событийного плана и его аналитической оценки на уровне иллюстраций к описанию ситуации, причем преимущественно в тех предикациях, где возникает референция с психологическими и социально-психологическими (в том числе, если можно так выразиться, психокультурными) аспектами, указывает на важное качество, характеризующее принцип построения логической конструкции текста, — известная социально-психологическая дистанция от рассматриваемого предмета. В подавляющем большинстве случаев авторская точка зрения на события дополняется только гипотетической реконструкцией либо позиций лидеров мнений для соответствующего исторического периода, либо позиций государственных институтов, или уже — авторитарных правителей. Социально-психологические последствия актуализации этих точек зрения в социальной деятельности для "рядовых" людей в тексте практически не затрагиваются. Это, с одной стороны, грамотное решение, так как указанные последствия, очевидно, недоступны авторской С-группе, равно как и оптимальной аудитории, в непосредственном опыте. С другой стороны, неучтенный психологический аспект "прорывается" на план иллюстраций, и в этих предикациях логическая конструкция опирается на отсутствующий психологический опыт и неизбежно тяготеет к аксиомам социального познания авторской С-группы, обязательно разделяемым также оптимальной аудиторией. Так как в отсутствие соответствующего опыта у авторской С-группы психологическая реконструкция автору не всегда удается, действие часто рассматривается без своей

³³ "Provided the inspiration for the unexpected victory of the Red Army against the German invaders."

мотивации, которая может изменять (смещать) или отменять его значение (пример со сталинской биографией и бериевскими мемуарами – см. п.6). Здесь можно предположить, что оптимальная аудитория, очевидно совпадая по этим параметрам с авторской С-группой, немаловажное значение придает практической деятельности и приобретаемому в результате этой деятельности опыту, но при этом, вероятно, обладает умеренно развитым воображением (см., например, анализ поэтических текстов в п.3 и анализ материала в п.7).

Второй англоязычный текст также взят из упомянутого выше сборника³⁴. По итогам интенционального анализа можно считать, что цель сообщения косвенно указана в следующих предикациях (I порядка): "У нас есть тенденция рассматривать "национальный вопрос" – отношения между национальными меньшинствами и большей частью населения, а также властями – с учетом тех преимуществ, какие дает нам обзор из двадцатого века, а именно, используя такой умственный инструментарий, который есть наследие того, что можно назвать революцией национального сознания. Таким образом, нам грозит большая опасность дать внеисторический анализ тем условиям и аттитюдам³⁵, которые предшествовали этой революции"³⁶ [13, 22]. Основной тезис не только формулирует содержательное ядро текста, но и задает хронологические рамки (предикация II порядка, уровень 1): "Эти заметки посвящены периоду, в течение которого сформировались базовые аттитюды и политические стратегии, – приблизительно с конца шестнадцатого и до середины девятнадцатого века"³⁷ [13, 22]. В разъяснениях к основному тезису подчеркивается (предикация II порядка, уровень 2): (а) "Россия была многонациональной империей. Теперь это нам кажется очевидным, но это не всегда было столь очевидно, как для имперского правительства, так и для его подданных"³⁸ [13, 22]; (б) "Одним из основных факторов в определении политиче-

³⁴ *Marc Raeff. Patterns of Russian Imperial Policy toward the Nationalities* [13, 22-42]/

³⁵ Слово "аттитюды" в переводе сохранено, поскольку, на мой взгляд, в этом контексте весьма существенна роль этого слова как именно термина социальной психологии: так, Э. Аронсон определяет "аттитюд" как "мнение, включающее оценочный (эмоциональный) компонент" [Э. Аронсон. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998. С.132.]. Г. М. Андреева трактует "аттитюд" как "социальную установку", включающую 3 компонента: "когнитивный, аффективный и конативный (поведенческий)" [4, 146].

³⁶ "We tend to view the "question of nationalities", – the relationship of national minorities to the larger unit and its authorities – in terms of our twentieth century vantage point; that is, through a mental set which is legacy of what may be called the revolution of national consciousness. We thus run great danger of making an anachronistic analysis of the conditions and attitudes that antedated this revolution."

³⁷ "These remarks will concentrate upon the period during which basic attitudes and policies toward the nationalities were formed — from about the late sixteenth to the middle of the nineteenth centuries."

³⁸ "Russia was a multinational empire. That seems obvious to us now, but it was not always so apparent either to the imperial government or to its subjects."

ских стратегий и аттитюдов чиновников к представителям различных национальностей является время завоевания или присоединения той или иной нерусской территории и обстоятельства жизни нерусского населения"³⁹ [13, 23]. Далее в фокус анализа помещены только предикации, маркированные суггестивными элементами, непротиворечивое восприятие которых требует от оптимальной аудитории данного текста некоторых характерных свойств сознания, проявляющихся, в частности, в стратегии мышления оптимальной С-группы.

1. Наиболее заметная особенность рассматриваемого текста заключается в том, что заявленная в основном тезисе привязка к хронологии выпадает из поля зрения автора фактически начиная с одной из первых предикаций ситуативно-событийного плана (I порядка, уровень 3.1-1 (в1)): "Обратимся к методам приобретения и присоединения [территорий. — *Е.Л.*], поначалу оставив в стороне современные военные и дипломатические средства, которые были задействованы только в прибалтийских губерниях, в Финляндии и при разделах Польши"⁴⁰ [13, 26]. Такое смешение репрезентаций разновременных политических курсов и соединение очевидно разновременных политических событий в предмете референции одной и той же предикации создает ощутимые трудности при восприятии ситуативно-событийного плана текста для читателя, не принадлежащего к оптимальной группе, и явно мешает такому читателю ориентироваться в экспликации заявленной в основном тезисе темы. Таким образом, текст уже в начале предъявляет определенные требования к характеру восприятия оптимальной аудитории.
2. Еще одно характерное свойство текста, предъявляющее дополнительные требования к оптимальной аудитории и осложняющее работу "независимого" читателя, состоит в том, что фактически не рассматривается во временном аспекте мотивация власть предержащих при выработке различных тактических и стратегических вариантов в национальной политике. Достаточно рассмотреть следующие предикации (II порядка, уровень описания ситуации — 3.1-1 (г1): "Но какова была цель экспансии?.. Вначале было стремление приобрести больше пахотных земель"⁴¹ [13, 28]; & (г2): "Очевидно, экспансия часто мотивиро-

³⁹ "A major factor in determining policies and attitudes of the officials toward nationalities is the time of the conquest or incorporation of non-Russian territory and the circumstances of the non-Russian populations."

⁴⁰ "Let us turn to the methods of acquisition and incorporation, first leaving aside the modern military and diplomatic means which were relevant only for the Baltic provinces, Finland, and the partitions of Poland."

⁴¹ "But what was the purpose of expansion?.. There was first the desire for more agricultural land."

валась соображениями безопасности"⁴² [13, 29] & (г3): "Тем не менее, в качестве основного фактора расширения территориальных границ империи мы нечасто обнаруживаем расчет на коммерческую выгоду или обеспечение безопасности торговли. Иногда богатства недр оказывались приманкой и приводили к завоеванию или, по крайней мере, проникновению [на территорию. — *Е.Л.*], как это было на Урале и в Сибири"⁴³ [13, 29]. Между тем берется материал почти за 4 столетия, и даже если на взгляд автора мотивация или ее составляющие не менялись за этот период, это обстоятельство для большей внятности авторского замысла стоило бы оговорить, поскольку иногда эта недоговоренность может вносить некоторую путаницу (как в данном случае). Если же, по мнению автора, мотивация здесь не имеет временного измерения, то следует принять во внимание, что такая точка зрения отражает присущую авторской С-группе определенную аксиому социального познания, и, в любом случае, предъявляет соответствующие требования оптимальной группе.

3. Продолжающая эту логическую линию предикация фактически датируется указанием на конкретные исторические события (II порядка, уровень описания ситуации — 3.1-1 (ж)): "Совершенно иными были, разумеется, завоевание и присоединение прибалтийских губерний, Финляндии и Польши. Поскольку здесь изначально присоединение явилось результатом покорения воинской силой, узаконенного международным договором, имперское правительство начало с того, что гарантировало особый статус вновь завоеванным землям и обещало уважать автономию и привилегии местных правящих классов"⁴⁴ [13, 31-32]. Однако начиная практически со следующего же элемента ситуативно-событийного плана логическая структура обретает черты некоторой запутанности, а в дальнейшем местами — невразумительности (предикация II порядка, уровень 3.1-1 (и)): "Как будто мало было и этих сложностей, сохранение особых статусов и привилегий к тому же поставило вопрос об определении подлинной исторической традиции этих земель, подлежащей сохранению"⁴⁵ [13, 32]. Для выдерживания логической структуры стоило бы указать отношение этого элемента ситуативно-событийного плана к временному аспек-

⁴² "Obviously, consideration of security frequently motivated expansion."

⁴³ "Rarely, however, do we find the expectation of gain from commerce and security of trade as a major factor in expanding the territorial boundaries of the Empire. Sometimes the lure of mineral wealth would lead to conquest, or at least penetration, as in the Urals or Siberia."

⁴⁴ "Very different, of course, were the conquest and incorporation of the Baltic provinces, Finland, and Poland. Because the original acquisition had been accomplished through military conquest ratified by international treaty, the imperial government began by guaranteeing a special status to the newly conquered lands and by promising to respect the autonomy and privileges of the local ruling classes."

⁴⁵ "As if this were not complicated enough, the preservation of the special statuses and privileges raised the question of identifying the genuine historical tradition of those lands that should be preserved."

ту. Тем более, что отсюда следует резкий временной переход к XVI веку и, таким образом, логический скачок к началу текста (предикация II порядка, уровень 3.1-1 (к1)): "Имперская экспансия России началась в середине шестнадцатого века, и сперва это было движение на восток и на юг. С самого начала оно подразумевало покорение нехристианских, кочевых сообществ и людей, чья социальная и экономическая жизнь была проще, чем жизнь тогдашней России..."⁴⁶ [13, 33]. Здесь снова, правда, уже на несколько ином уровне затрагиваются некоторые аспекты мотивации аттитюдов к "кочевым сообществам" — "культурное превосходство" русских (предикация II порядка, уровень описания ситуации — 3.1-1(к2)): "Таким образом, было очевидно, что русские испытывали чувство религиозного и культурного превосходства, и довольно сильное, уже в шестнадцатом и семнадцатом веке"⁴⁷ [13, 34]. Во всей цепочке рассуждений явственно ощущается отсутствие опоры для читательского восприятия в виде ясно обозначаемой или так или иначе выдерживаемой хронологии, и заметна пунктирность рассуждения об аттитюдах, переходящая местами в бессвязность. Таким образом, "сбой" в логической структуре возникает на том месте, где рассуждения о действиях (политике) российского правительства и их политических и культурных следствиях "разрываются" предикацией, чья функция — реконструировать социально-психологическую ситуацию времени.

4. В одном из следующих звеньев в логической структуре можно зафиксировать новый, обратный "скачок" — к тому месту разворачивающейся ситуативно-событийный ряд предикативной цепи, откуда был совершен предыдущий резкий переход (см. п.3): то есть к рассмотрению следствий уже упомянутых выше военно-политических событий завоевания Прибалтики и Финляндии (предикации II порядка, уровень 3.1-1(л)): "Немецкая знать и буржуазия в прибалтийских губерниях считались составной частью российской элиты, даже при том, что они сохраняли свою культуру, язык и религию, также как и свое традиционное лидерство в родных им землях. Однако, без сомнения, оставалась неизменной их политическая верность Российской империи"⁴⁸ [13, 35]. Положение немецкого дворянского и купеческого сословия в прибалтийских губерниях и политика имперского центра в отношении этих со-

⁴⁶ "The imperial expansion of Russia started in the middle of the sixteenth century and first moved east and southward. From its beginnings it involved the conquest of non-Christian, nomadic societies and people who were socially and economically less complex than contemporary Russia..."

⁴⁷ "Therefore, feelings of religious and cultural superiority on the part of Russians were unmistakable, and quite strong as early as the sixteenth and seventeenth century."

⁴⁸ "German nobility and bourgeoisie in Baltic provinces... were considered members of Russian elite even though they retained their own culture, language, and religion, as well as their traditional role of local leadership in their province of origin. Their political loyalty, however, belonged unquestionably to the Russian Empire."

словий сравниваются с политикой в отношении евреев, политическая кульминация в контактах с которыми наступила в царствование Николая I (предикации II порядка, уровень описания ситуации – 3.1-1(м)): "Правительство хотело привлечь евреев в русское общество, позволив им сохранить свою религию... Но евреи не могли этого принять, поскольку сделать это означало оставить их религию... Раздраженный, Николай I перешел к насильственной русификации и жестоким репрессиям".⁴⁹ [13, 35-36]. Основание этого нового резкого перехода, как и предыдущего, – продолжение рассуждения об аттитюдах. Очевидно, что тема аттитюдов нарушает упорядоченность логической структуры ситуативно-событийного плана, которая опирается прежде всего на рассуждения об имперской национальной политике и реализовавшихся ее действиях правительства.

5. При ближайшем рассмотрении все более проступает уже отмеченное ранее существенное свойство той линии в логической траектории текста, которая ведет тему аттитюдов: эта линия не ориентирована во временном аспекте, не решено ее отношение ко времени. Вследствие этого вопрос о возможной исторической эволюции аттитюдов остается без вариантов решения. Например, движение логики явно затрудняется в следующем звене авторского рассуждения (предикация II порядка, уровень описания ситуации – 3.1-1(н1)): "Экономические конфликты, которые существовали или развивались между русским народом и внешними сообществами, также затрудняли социальную интеграцию последних в империю"⁵⁰ [13, 36]; & (н2): "В таких случаях правившие согласно обычаям вожди и богатые люди также бывали первыми, кто поддавался убеждениям перенять русский образ [жизни. – *Е.Л.*] и затем помогал привлекать к тому же и своих кочевых соплеменников"⁵¹ [13, 36]; & (н3): "Российские чиновники пренебрегали бедняками, которые не могли так легко поменять образ жизни... Неудивительно, что, когда из их рядов выдвигались новые лидеры, они не только высказывались в поддержку старых традиций, но также полностью отвергали систему, которая привела к изоляции, бедности и отсталости их соплеменников"⁵² [13, 37]. Совокупным методом референции приведенных здесь элементов ситуативно-

⁴⁹ "The government wanted to attract the Jews into Russian society, allowing them to retain their religion. ... But the Jews could not accept this, since to do so was to desert their religion. ... In disgust, Nicholas I embarked on forced Russification and brutal repression."

⁵⁰ "Economic conflicts that existed or developed between the Russian people and the outsiders also hampered the latter's social integration into the empire."

⁵¹ "In this instance, too, the traditional leaders and the rich were the first to be persuaded to adopt the Russian pattern and then help to bring their fellow nomads along."

⁵² "The poor, who could not easily change their way of life, were disregarded by Russian officials... Little wonder that when a new leadership arose from their ranks it not only spoke up for their old traditions but also rejected completely the system that had resulted in isolation, poverty, and backwardness of their fellows."

событийного плана фактически является проблемная ситуация: перерастание экономического конфликта в национальный и государственно-правовой, причем ситуация репрезентируется в значительной мере в терминах социально-психологических отношений. Данная группа предикаций является презентацией следствия имперского политического курса России в сфере межнациональных отношений прежде всего на восточных окраинах (см. п.1). При этом в логической структуре указанная группа предикаций помещается после презентации следствий завоевания Прибалтики, Польши и Финляндии (см. п.3 и ср. буквенные индексы предикаций в пп. 3 и 4). Между тем речь в рассматриваемых предикациях идет не о крестьянах прибалтийских провинций, а о "кочевниках" (н2). Объединяет эту довольно неожиданную последовательность тема аттитюдов, не впервые в этом тексте нарушающая упорядоченность логической структуры. Временная отнесенность данной группы предикаций – ряда элементов ситуативно-событийного плана – неясна тем более, что неясна и точная временная отнесенность предикации II порядка (уровень описания ситуации – 3.1-1 (в1)), проанализированной в п.1, событийное следствие по отношению к которой репрезентирует рассмотренная группа предикаций.

6. Аналитическая оценка правовой ситуации в межнациональных отношениях на территории Российской империи аргументируется, в частности, иллюстрацией, где упомянут один из указов Екатерины (предикации III порядка, уровень 1.4): "Когда в 1775 г. Екатерина II обнародовала новый указ о губернском управлении, который, в частности, предписывал участие в нем выборных чиновников из числа местного дворянства, она автоматически распространила его на Сибирь (отведя несколько лет на переходный период), не задумываясь о том, что в Сибири не было дворянства. Понятно, что один из существенных элементов реформы там не мог быть внедрен"⁵³ [13, 30-31]. С точки зрения автора, это абсурд, хотя можно предположить, что в этой своей части указ составлялся с перспективой на будущее. Но, скорее всего, такая гипотеза для автора также не имеет смысла, так как, видимо, социальная практика его С-группы закрепила положение, при котором закон становится действующим с момента ратификации (здесь: подписания монархом) и имеет смысл, только если регулирует уже осуществляемую практику. Однако не приведены доказательства, что ситуация равно абсурдна, если рассматривать ее с того уровня развития правового соз-

⁵³ "When in 1775 Catherine II promulgated a new statute for provincial administration which included the participation of elective officials from among the local nobility, she automatically extended it to Siberia (allowing a few years for transition) without reflecting that Siberia had no nobility. Clearly, one of the essential elements of the reform could not be implemented there."

нения, на котором находились российское общество и российский самодержец на тот момент времени. Очевидно, здесь опыт социальной деятельности авторской С-группы действует как аксиома (социального познания). Сопоставление этих двух примеров косвенно указывает на одно из возможных значимых социальных представлений авторской С-группы и оптимальной аудитории: правовые уложения должны четко следовать за практикой и регулировать реально осуществляемую социальную деятельность.

7. На уровне иллюстраций к ситуативно-событийному плану (предикации III порядка, уровень 1.3) обращает на себя внимание вопрос о правовом статусе царя в итоге всех территориальных завоеваний и присоединений: "Приобретение столь совершенно чуждых территорий, сопровождавшееся обещанием уважать традиционные привилегии и автономию, создавало серьезную проблему для имперского правительства. Оно подрывало концепцию единого по своей природе Российского государства и ставило вопрос о статусе суверена, который, по сути, являлся, согласно местным конституциям, Великим Герцогом Финляндским и Королем Польским, оставаясь одновременно самодержавным Императором Российским. Правительство, однако, открыто отрицало существование такой проблемы, поскольку признание ее могло привести в перспективе к федеративному устройству империи"⁵⁴ [13, 32]. Вопрос осмысливается автором как юридическая и политическая проблема. Не оговорено, однако, какие практические сложности это "белое пятно" российского права вызывало в управлении империей. И хотя автор утверждает, что проблема госчиновниками осознавалась, но замалчивалась, для доказательства самого существования проблемы одних лишь рассуждений автора, на мой взгляд, недостаточно. Вполне возможно, что здесь выводы, наглядно не подкрепляясь фактами, также опираются на опыт социального познания и правовой практики в авторской С-группе, в данном тексте действующий как аксиома (так как недостаточно доказательств того, что этот опыт остается релевантным для российского чиновничества и российского общества XVIII — XIX вв.).
8. Нередко упоминается в предикациях иллюстративного уровня (уточняющих предметы референции ситуативно-событийного плана) и становится предметом аналитической оценки автора такой существенный элемент имперской национальной политики, как привлечение в столицу инонациональной, например, родоплеменной знати с

⁵⁴ "The acquisition of such totally alien territories under promise or respect toward traditional privileges and autonomies created a serious problem for the imperial government. It undermined the concept of unitary nature of the Russian state and also raised questions as to the character of the sovereign, who, indeed, was a constitutional Grand Duke of Finland and King of Poland while remaining the autocratic Emperor of all Russia. The government, however, explicitly denied the existence of the problem, for to recognize it might have led to envisioning a federal structure for the empire."

завоеванных и присоединенных, преимущественно восточных территорий. Возможно, что автора не оставляет равнодушным недостаточная, на его взгляд, правовая база этой практики и последующая политическая и культурная судьба окраинных народов империи, лишенных собственной, порожденной ими элиты (предикация порядка, уровень 1.3): "Их отъезд сам по себе ослаблял родное им сообщество, тем более, что зачастую это были наиболее активные люди, амбициозные и энергичные военачальники"⁵⁵ [13, 27]. Возможно также, с точки зрения автора, этот политический ход указывает на способность российской знати, общества и государственных институтов уживаться с "чужими" в интересах политической целесообразности (предикация порядка, уровень 1.3): "Даже переезжая на новое место, эти люди сохраняли связи с породившим их сообществом и могли оказаться полезными, имея возможность действовать на манер пятой колонны"⁵⁶ [13, 27]. Судя по тому, что тактика переманивания восточной знати с присоединенных земель ближе к столице многократно обращает на себя внимание автора, можно предположить, что архетип "чужого" (из чуждой культуры) также значим в сознании авторской С-группы и должен быть значим для оптимальной аудитории, однако, возможно, чуждость эта не всегда успешно преодолевается в культурной среде упомянутых групп, даже исходя из прагматических соображений.

9. Если характеризовать уровень аналитической оценки ситуации по тексту в целом, следует отметить, что непроработанными, "зависшими" остаются темы "культурного" [13,25] и "психологического" аспектов экспансии⁵⁷ [13, 33] – во взаимоотношениях российского общества, правительства и населения завоеванных или иным образом приобретенных территорий. Психологическому и культурному аспекту экспансии так или иначе посвящен ряд взаимосвязанных предикаций аналитического плана, начиная с наиболее общих рассуждений о характере процесса в целом (предикация II порядка, уровень 3.2 (г1)): "В интересах анализа следует ясно различать два главных аспекта в процессе имперской экспансии и присоединения национальных меньшинств, хотя зачастую в реальности эти аспекты были нерасторжимо сплетены: один – территориальный и политический, другой – социальноэкономический и культурный"⁵⁸ [13, 25]. Здесь собственно "культурная экспан-

⁵⁵ "In itself, their departure weakened their homeland, especially since they frequently constituted the more active, ambitious and energetic military leadership."

⁵⁶ "Even after moving away, these people retained ties to their original society and could be of use in undermining it like a fifth column."

⁵⁷ "Cultural dimension" & "psychological" dimension".

⁵⁸ "Two major dimensions of the process of imperial expansion and of incorporation of national minorities should be clearly kept in mind for the purposes of analysis, even though they were frequently inextricably intertwined in reality: one is territorial and political, the other socioeconomic and cultural."

сия" фигурирует в качестве элемента экспансии как целостного процесса. Этот тезис начинает затем как будто разворачиваться, и далее рассматривается составляющая первого из "аспектов экспансии" — "территориального". Но затем предложенный тезис практически игнорируется и перестает работать как ключевая схема для дальнейшей экспликации темы статьи. После рассмотрения территориального аспекта экспансии предлагается новый тезис-схема, где рассматриваются уже не проявления экспансии, а сама экспансия, представленная в виде процесса, разложимого на 3 этапа: "завоевание, или приобретение", "присоединение", "ассимиляция"⁵⁹ (из предикации II порядка, уровень аналитической оценки — 3.2 (д)) [13, 26]. Особо выделен второй этап — "присоединение", поскольку, по мнению автора, российское общество не осознавало экспансию (предикации II порядка, уровень 3.2 (ж)): "Поскольку экспансия происходила постепенно и в основном сопровождалась расселением русских крестьян с целью обработки новых земель, русское общество оставалось в неведении того, что государство превратилось в многонациональную империю. Создавалось впечатление, что это происходило стихийно, естественным путем, в результате передвижения людей, но не вследствие сознательно проводившейся государственной политики. Таким образом, ключевым периодом являлся не период завоевания, но период присоединения, поглощения российским политическим строем"⁶⁰ [13, 30]. В следующих предикациях (II порядка, уровень аналитической оценки — 3.2 (з1) & (з2) [13, 32-33]) затронуты проблемные аспекты "присоединения". Так, рассматривая политику России в Прибалтике, автор высказывает предположение о том, что, возможно, стоило бы лишить местное дворянство привилегий, чтобы "обеспечить преданность"⁶¹ [13,32] местного крестьянства. Тем более, что дворяне в прибалтийских землях в основном были шведского и немецкого происхождения, то есть иностранного по отношению к местным крестьянам. Однако смена одних иностранных дворян другими (в данном случае, русского происхождения) вряд ли бы означала благополучное разрешение вопроса. Тем не менее, данная ситуация служит основанием для обобщенно сформулированного вывода (предикация II порядка, уровень 3.2 (з2)): "Но действуя таким образом и пренебрегая "психологическим" аспектом национального сознания, а обращая внимание лишь на правовые формы, правители империи невольно спо-

⁵⁹ "Conquest, or acquisition", "incorporation", "assimilation".

⁶⁰ "Because expansion had taken place gradually and had largely been accompanied by the agricultural settlement of Russian peasants, Russian society remained unaware of the state's having become a multinational empire. The impression was created that it had taken place elementally, naturally, through people's movements and not through conscious policy on the part of the government. Thus, the crucial period was not that of conquest but that of incorporation, of absorption into the fabric of Russia's policy."

⁶¹ "To secure loyalty."

собствовали росту национализма среди нерусского крестьянства, усугубляя взрывоопасность национального вопроса для двадцатого века⁶² [13, 33]. Впрочем, вывод отчасти опровергается следующей предикацией того же уровня, где речь идет о вполне удачном, с психологической точки зрения, разрешении ситуации, однако не для крестьянства, а для иной социальной группы — родоплеменной знати (предикация II порядка, уровень 3.2 (и)): "Благодаря российской социальной и политической системе стало возможно перевести это прельщение и обхаживание [способы переманивания иноплеменной знати. — *Е.И.*] в конкретные материальные и социальные, равно как политические выгоды для обхаживаемых"⁶³ [13, 34]. Стало быть, дело не в игнорировании психологического аспекта, а в том, что российское правительство, очевидно, в соответствии, с реалиями того времени, учитывало психологический аспект весьма избирательно. Здесь в суждениях применяются те критерии, от которых автор предлагал отказаться еще в предикации, косвенно указывающей на цель сообщения. В заключение следует отметить, что хотя в итоговом кратком обзоре (состоящем из предикаций аналитического плана) подчеркивается один из существенных факторов, определивших российскую имперскую политику — "время — хронология"⁶⁴ (предикация II порядка, уровень 3.2-(о) [13, 38]), однако именно этот фактор остается практически неучтенным на протяжении всего изложения.

Подведение итогов анализа в силу некоторых особенностей данного текста следует начать с очерка характерных признаков, свойственных типу сознания авторской С-группы. Итак, автор, возможно, принадлежит к С-группе, тип сознания которой характеризуется, в частности, определенной интровертностью на уровне логического мышления. Отсюда — известное пренебрежение хронологическими маркерами, хотя такие маркеры существенно облегчили бы восприятие текста для заинтересованного читателя, незнакомого или слабо знакомого с приводимыми в статье фактами, либо пытающегося вычленив из материала авторскую концепцию. На фоне хронологической невнятности конец статьи (см. п.9) весьма напоминает позднейшую вставку по настоянию редактора.

⁶² "But in acting in this manner and disregarding the "psychological" dimension of national consciousness while taking into consideration only legal forms, the imperial rulers unwittingly helped to promote nationalism among the non-Russian peasantry, adding to the explosiveness of the nationality question in the twentieth century."

⁶³ "The Russian social and political system made it possible to translate that wooing and attraction [способы приманивая иноплеменной знати. — *Е.И.*] into concrete material and social as well as political benefits in favor of the wooed."

⁶⁴ "Time — chronology".

Еще одно свидетельство определенной интровертности авторской С-группы – та путаница, которую вносит в логическую конструкцию текста попытка учесть психологический фактор в рассматриваемом процессе. Появление психологической составляющей не только вызывает сбой в заданном движении логики на ситуативно-событийном плане (см. п.3), но и усугубляет невнятность хронологической референции. Та же невнятность проявляется, в частности, и в предикации низшего порядка, на иллюстративном уровне (см. п.7: иллюстрация с указанием Екатерины).

Предикации аналитического плана выстраиваются, на первый взгляд, в существенно более стройную конструкцию (см. п.9). Однако и здесь, начиная с относительных частных, снабженных одним хронологическим маркером (предикация II порядка, уровень 3.2 (а) [13, 24]), где речь идет о завоеваниях в XVI веке, автор затем переключается на более высокий уровень обобщения, рассматривая аспекты "экспансии" и "присоединения", после чего вновь возвращается на уровень тех же частных, но уже сопровождаемых другим хронологическим маркером, которая отсылает читателя к событиям XX века там, где речь заходит о социально-психологическом воздействии имперской экспансии на жизнь иноплеменных простолюдинов и знати. Поскольку хронологически уровень аналитической оценки маркирован весьма скудно, то для читателя, не принадлежащего к оптимальной аудитории, возникает вопрос: какие из предикаций, содержащих обобщения, реферируют только с предшествующими частными выводами, какие – только с последующими, а какие можно равно отнести и к тем и к другим.

Предикации аналитического уровня в завершающей части репрезентируют выводы, касающиеся политики ассимиляции в XIX веке, и являются собой наиболее последовательную часть логической конструкции. Существенное отличие конструкции плана аналитической оценки от конструкции ситуативно-событийного плана состоит в том, что учет психологического фактора в предикациях аналитического плана не создает таких сбоев в движении логики, как на уровне описания ситуации. Впрочем, на обоих уровнях развертывание этого фактора во времени внятно не презентировано.

Впечатление интровертного стиля мышления, свойственного авторской С-группе, подкрепляется также итогами анализа имеющихся в тексте ссылок на источники: не для всех фактов, приводимых в статье, даны отдельные либо общие (для групп фактов) ссылки. Кроме того, практически отсутствуют постраничные ссылки. Наблюдаются некоторые парадоксы и в самой логике справочной аппарата статьи. Так, хотя в одном из примечаний советские издания характеризуются автором как ценные источники фактов, в дальнейшем ссылки на эти источники от-

сутствуют. Если автор к ним и обращался, то в ссылках эти моменты никак не презентированы. Вероятно, наряду с интровертностью логического мышления, здесь действует некий психологический барьер. Сопоставляя этот аспект референции в ссылках с затрудненной интеграцией психологического фактора в авторскую реконструкцию процессов российских территориальных приобретений и завоеваний, можно предположить, что здесь имеется общая причина – психологическая дистанция от предмета презентации. Такую же дистанцию следует в этом случае предположить и у оптимальной группы.

В результате текст обладает довольно низким дидактическим потенциалом, то есть не является оптимальным для использования в процессе обучения. Поскольку также весьма сомнительно, что восприятие специалистов – в силу невнятности хронологической референции и путаного склада реконструкции – окажется непротиворечивым, оптимальную аудиторию для данного текста можно условно определить как поверхностно заинтересованную в теме.

Возможен и другой вариант оптимальной аудитории: это сама авторская С-группа, правда, только в том случае, если фактор собственной интровертности, весьма существенно повлиявший на план репрезентации данного текста, и в форме этого текста отчужденный от своего источника – сознания указанной С-группы, возвратившись к ней вновь – уже как к аудитории – актуализирует у нее непротиворечивое восприятие.

Возможна также ситуация, когда некая С-группа может интересоваться представленными в статье социально-историческими реалиями на ином уровне, отличном от уровня мотивации, на котором создавался текст. В этом случае С-группу-реципиента могут особо интересовать какие-то фрагменты статьи, например, какие-то из фактов, сообщаемых в ней. Тогда целое, которое ее не интересует, может также быть воспринято ею непротиворечиво. Однако текст не будет воспринят этой С-группой как "свой", а лишь как "полезный". Таким образом, нельзя исключать того, что оптимальная аудитория для данного текста может быть фактически "квази-оптимальна"; тем не менее, ее качество восприятия будет приближаться к идеальному, моделируемому для оптимальных аудиторий.

В заключение можно сказать, что складывающиеся по результатам проведенного анализа модели оптимальных аудиторий образуют своего рода континуумы – развивающие и дополняющие друг друга структуры – как для представленных русскоязычных, так и для представленных англоязычных текстов. Так, в первом русскоязычном тексте явно реализуется специфичность предполагаемых у оптимальной аудитории аксиом правового сознания. Заметна также агрессивность, реализованная

посредством коннотативных маркеров. При этом очевидна недостаточная логическая и фактографическая мотивированность этой агрессивности, из чего ясно, что последняя может утверждаться в сознании оптимальной аудитории только через суггестивные механизмы восприятия, основывающиеся отчасти на некоторых аксиомах правового сознания, отчасти на когнитивных клише, преимущественно идеологического происхождения. Сказанное в значительной мере справедливо и для второго русскоязычного текста. Помимо этого, система аксиом, которая предполагается вторым текстом в качестве базы для восприятия оптимальной аудитории, конституирует тип сознания, в некоторых существенных своих аспектах "закрытого". Эта "закрытость" характеризуется, в частности, тем, что некоторые элементы аксиоматики могут помещаться в такие контексты, в рамках которых они приобретают значение уже готовых выводов (данная тенденция очевидна и в первом тексте). При этом методы познания, как и методы действий в социальной и экономической практике, в пределах этого типа сознания выстроены в весьма жесткую иерархию, в значительной мере скрепленную коннотативными маркерами, репрезентированными в виде этических категорий. Для этого типа сознания интерпретация и оценка факта имеют явное преимущество перед многоаспектной действительностью самого факта. Из представленного анализа также очевидно, что все отмеченные особенности типа сознания, характерные для оптимальных аудиторий этих текстов, несомненно сказываются на качестве применяемых такого рода С-группами логических стратегий.

Что касается англоязычных текстов, тенденции, заметные в складывающихся моделях оптимальных аудиторий, также формируют своеобразный, психологически связный континуум. Роль аксиом здесь в основном принадлежит некоторым аспектам социально-психологических представлений, что также в конечном счете сказывается на качестве логических построений, поддерживающих авторскую аргументацию и, по определению, непротиворечиво воспринимаемых оптимальной аудиторией. Кроме того, социально-психологическая дистанция от предмета исследования, как неизбежное следствие опоры авторской (и соответственно оптимальной) С-группы на собственные социально-психологические представления-аксиомы, не лучшим образом влияет на качество авторских психологических реконструкций и характер их восприятия оптимальной аудиторией, в частности, на понимание чужих мотиваций и их эволюцию во времени (см., напр., второй текст). Результаты анализа в этой части дают основание предполагать в одном случае умеренное развитие воображения у авторской и оптимальной С-групп, а в другом случае — определенную интровертность сознания, заметную, в частности, на уровне логического мышления и

обращения с фактографией у авторской С-группы. Причем во втором случае реализация в структуре текста указанных особенностей авторского сознания может поставить под сомнение гипотетическую возможность полноценной оптимальной аудитории для такого текста. Недостатки логической стратегии, поддерживающей текст, а также недостаточно четкая ориентированность структуры текста на потенциальную аудиторию-адресата увеличивают "нагрузку" на суггестивную составляющую, одновременно, видимо, "облегчая" функцию иных, несуггестивных элементов. Однако это обстоятельство вовсе не означает автоматического повышения эффективности воздействия суггестивной составляющей на восприятие реальной аудитории-реципиента.

Итак, текстологическая и собственно психо-эпистемологическая составляющие представленного анализа дают, на мой взгляд, следующие условные корреляции: В текстах с большим "удельным весом" суггестивных элементов велика роль коннотаций, и распределение коннотативных маркеров становится решающим аргументом в полемике, что придает полемической, в данном случае письменной, речи весьма агрессивный обертон; в полемике же заметнее всего проявляется суггестивная функция отдельных элементов структуры текста, и особенно красноречивы здесь презентации аксиоматики правового сознания и аксиоматики, определяющей познавательные стратегии и социальную практику. В текстах с меньшим "удельным весом" суггестивных элементов значима роль логической структуры текста, точнее, связок и согласований между отдельными элементами этих структур, что выражается в рассогласовании референций между отдельными предикациями разных уровней; а суггестивная функция отдельных элементов структуры текста заметнее всего в разного рода психологических "рассуждениях" — попытках реконструкции чужого опыта там, где весома роль своего рода "психокультурной" составляющей.

Л и т е р а т у р а

1. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах / Отв. ред. Т. М. Дридзе. В 2 кн. Кн.1. М., 2000.
2. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
3. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. СПб., 1996.
4. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. М., 1999.
6. Богомолова Н. Н. Современные когнитивные модели убеждающей коммуникации // Мир психологии. 1999. № 3.
7. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М., 1997.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 20. — 140 с. ISBN 5-317-00377-6

8. *Михальская А. К.* Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1995.
9. *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 1.
10. Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
11. Актуальные проблемы социологической теории и практики. Ломоносовские чтения 2000. МГУ, социологический ф-т. Ч. II. М., 2000.
12. Факты и домыслы. Против фальсификации национальных отношений в советском Союзе / АН СССР, АН МССР. Научный совет по проблемам зарубежных идеологических течений АН СССР. Научный совет по проблемам зарубежных идеологических течений АН МССР. Кишинев, 1972.
13. Soviet nationality problems / Ed. by Edward Allworth. N.Y. — Lnd., 1971.
14. *Miles M. B., Huberman A. M.* Qualitative data analysis. L., 1994.
15. *Pander Maat H.* Studies of functional text quality. Amsterdam, 1992.
16. *Dangel J.* Text et sens. Paris, 1996.
17. *Lentz L.* Discourse analysis and evaluation: functional approaches. Amsterdam, 1997.
18. *Werlen E.* Sprache, Kommunikationskultur und Mentalität: Zur sozio- und kontaktlinguistischen Theoriebildung und Methodologie. Tübingen, 1998.